

Маринэ Восканян: Уважаемые коллеги, уважаемые гости! Я предлагаю начинать нашу секцию по расписанию. Еще раз хочу напомнить, что у нас, поскольку она проходит в большом зале, есть синхронный перевод на английский язык. Так что, если кому-то нужно, можно взять аппараты для перевода, если здесь у нас иностранные коллеги присутствуют.

Я расскажу, о чем сегодня мы планировали говорить. наша секция называется «Постсоветское пространство: от дезинтеграции к взаимодействию». Я предполагаю, что наша тема является одной из самых, наверное, непростых, которые обсуждаются в рамках форума. Вчера уже прошло два обсуждения проблематики международных отношений. Это вторая пленарная дискуссия, и это круглый стол, посвященный геополитике, на котором обсуждалась общая международная ситуация в мире, тренды, взаимоотношения России с другими международными игроками... Но надо сказать, что там это обсуждалось в большей степени в глобальном, мировом масштабе.

А сегодня мы хотели бы уделить отдельное внимание анализу ситуации отношений России и ее соседей и соседей между собой. Общей судьбе постсоветского пространства в непростом мире. Тому, как развивалась на этом пространстве общая ситуация взаимодействия. Потому что понятно, что процессы были и интеграции, и дезинтеграции за последние 30 лет с момента распада Советского Союза. И попробуем, может быть, обсудить, какие могут быть возможные сценарии дальнейшего развития этого региона мира – с моей точки зрения, очень важного. Потому что множество интересов геополитических, экономических самых разных мировых сил на этом пространстве пытается добиваться своих целей. Об этом тоже сегодня мы поговорим.

И я хотела бы в таком случае представить наших участников, которых я хочу поблагодарить за то, что они все в такое непростое время смогли приехать в Россию, в Москву, принять участие в нашей дискуссии. Давайте тогда мы, наверное, просто в порядке, как мы здесь на сцене располагаемся. У нас Фаниль Абдулхаевич Кадилов, заместитель директора Международного института Центральной Азии. Это Узбекистан. Далее у нас Гузель Майтдиновна Майтдинова. Она у нас директор Центра геополитических исследований Российско-Таджикского (Славянского) университета. Канатбек Азиз, директор Национального института стратегических исследований при Президенте Кыргызской Республики. Далее Богдан Кайдарович Цырдя, депутат Парламента Молдовы, директор Социал-Демократического института Молдовы. Далее у нас Карлыгаш Жандильдиновна Нугманова, президент международного центра геополитического прогнозирования «Восток-Запад» (Казахстан). И Мигран Абрамович Шахзадеян, председатель Армянской ассоциации политологов. И модерирую нашу секцию сегодня я, Маринэ Восканян, член оргкомитета Московского экономического форума.

Регламент нашей работы я предлагаю, уважаемые коллеги, построить таким образом. Я сейчас обрисую несколько генеральных вопросов, на которые я бы просила дать ваше видение. В пределах, давайте так, шести-семи минут будем держаться. Чтобы у нас потом осталось время на дискуссию, если вы не возражаете. Что я попросила бы вас обрисовать в

выступлении каждого? Как вы оцениваете динамику интеграционных процессов на постсоветском пространстве за прошедшие три десятилетия с момента распада Советского Союза? Какие вы видите особенности и тренды в интеграционных процессах? Но, впрочем, и дезинтеграционных тоже. Давайте и это тоже обсудим. Что, с вашей точки зрения, сегодня является наиболее значимым с точки зрения вызовов, которые стоят перед государствами нашего региона? И какие, с вашей точки зрения, стратегии ответа на эти вызовы могут выбрать государства? Я, кстати, хочу сказать, что я не призываю каждого говорить только о своей стране.

У нас задача – проанализировать общую картину. Поэтому приветствуется давать видение общей тоже ситуации, а не только какую-то аналитику давать по своему тоже государству. И также, конечно, очень интересный вопрос – ваши оценки того, как на этом пространстве ведут себя как мировые силы, уже, можно сказать, полюса многополярного мира... Это Соединенные Штаты, Европа, Китай, Россия... И также так называемые региональные державы, такие как Турция и т. д., другие соседи наши, которые тоже преследуют целый ряд интересов в нашем регионе... То есть вот примерно такой круг тем я попросила бы вас, каждого, обрисовать в вашем выступлении.

Давайте мы тогда будем начинать тут же, что называется, в порядке таком, как сидим на сцене. Фаниль Абдулхаевич, я бы тогда попросила вас начать.

Фаниль Кадиров: Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемые участники форума! Прежде всего я хотел бы искренне всех поприветствовать. Сказать спасибо организаторам за то, что пригласили нас принять участие в этом мероприятии, за очень хорошую организацию этого форума. Спасибо большое!

Что могу сказать? Предложенная для дискуссии тема, на мой взгляд, очень актуальна и востребована. Особенно сегодня, когда происходят такие глобальные изменения в мире, кризисные явления, которые стали серьезным вызовом, в том числе и для стабильности наших стран. Эпоха глобализации переходит в фазу формирования нового мирового порядка. Все это, мне кажется, отчетливо прослеживается. Мы становимся свидетелями введения беспрецедентных ограничений по масштабам, разрыва логистических цепочек, разрыва кооперационных связей, роста цен на энергоносители, на продовольствие. Инфляция растет. И, конечно же, это и на социальной ситуации в наших обществах тоже отражается.

Буквально несколько дней тому назад Международный валютный фонд опубликовал свой доклад. И тоже говорит о том, что мировая экономика фрагментируется, замедляются темпы роста ВВП. Более пострадавшими будут являться развивающиеся и развитые страны. И, конечно, это не может не коснуться и постсоветского пространства. Поэтому вызовы большие. И, конечно, нам нужно находить какой-то адекватный ответ на эти вызовы.

Оценивая динамику интеграционных процессов за последние 30 лет... Я много знакомился с этой информацией. И ничего оригинального сказать не могу. За 30 лет прошли наши

страны долгий сложный путь. Каждая страна строила свою систему политическую, свою государственность, свою экономику, каждая по-разному определяла принципы формирования внешней политики, внешнеэкономической политики. И на первом этапе после обретения независимости, конечно, на мой взгляд, были тенденции больше к размежеванию, чем к объединению. Но, несмотря на обретение политической и экономической самостоятельности, не привели к утрате самой идеи интеграции. Эта идея все равно витала в постсоветском пространстве. И избранный формат взаимодействия в виде Содружества Независимых Государств, на мой взгляд, позволил, конечно, наработать и институты, и механизмы практически по всем жизненно важным направлениям. Прежде всего это в экономической области, в области коммуникационных и транспортных отношений, обеспечения безопасности. И, конечно, большой блок — это культурно-гуманитарное взаимодействие.

И позиция Узбекистана заключается в том, что в быстро меняющемся мире СНГ остается востребованным механизмом в качестве структуры межгосударственного взаимодействия.

Несмотря на вызовы, нам удалось практически, если проследить последние пять-шесть лет, нарастить взаимодействие в рамках СНГ. Даже в 2022 году все эти глобальные вызовы и потрясения, которые произошли, отразились таким образом, что наши торговые взаимоотношения со всеми странами СНГ выросли на 20,9%. У нас товарооборот со всеми странами вырос. Конечно, это и связано с ценовым ростом на энергоносители. Но, если так проанализировать, мы создали более 1 000 совместных предприятий за год. В Узбекистане создано 1 000 совместных предприятий с участием капитала из стран СНГ. И, конечно, мы должны поддерживать такой тренд. В этом отношении не может быть и речи. И очень много у нас реализуется совместных проектов и проектов-коопераций и в машиностроении, и в энергетике, в химической, фармацевтической промышленности. Мы сегодня все-таки говорим больше об экономических аспектах, насколько я понимаю. В текстильной отрасли у нас есть совместные кластеры с Казахстаном по совместной переработке. У нас с Российской Федерацией большой химический кластер сегодня формируется с Ташкентом по переработке и производству нефтехимии. Вообще пакет заказов с Российской Федерации у нас больше, чем на 20 млрд. Мы собираемся все эти проекты реализовать.

Где, на наш взгляд, мы должны двигаться, в каком направлении? Я выделил три момента всего. Там их, наверное, гораздо больше. Вот что мне приходит в голову и, как мне кажется, достаточно важно. Первое: мы до сих пор не сформировали на постсоветском пространстве зону свободной торговли. То есть, понятное дело, есть договор, есть соглашение, в принципе работает соглашение о зоне свободной торговли. Но еще есть очень много барьеров. Как тарифных барьеров, есть экспортные пошлины во взаимоотношениях между нами, есть технические барьеры... И я думаю, что мы должны... Мы много говорим о том, что надо двигаться к более полноценной зоне свободной торговли. И вот, мне кажется, это вещь, которую нужно в конце концов сесть и довести до конца. Мне кажется, это очень

важно. Это все равно сдерживающий наши взаимоотношения пункт, который мы должны решить.

Второе, на наш взгляд, ключевое направление взаимодействия — это на сегодняшний день совместно, сообща решать вопросы продовольственной безопасности. Только в прошлом году временное ограничение на экспорт тех или иных продуктов питания — сразу же на наших рынках это потрясение ценовое и происходит. То есть здесь мы должны нарабатывать такие механизмы, которые бы не позволяли продовольственному рынку так остро реагировать на ограничения, которые вводятся в индивидуальном порядке. И в этом плане мы могли бы, допустим, предложить нашим партнерам из СНГ плодовоовощную продукцию. Запустить, как мы запустили с Российской Федерацией, экспресс-агropоезда, для того чтобы можно было нарастить поставки плодовоовощной продукции. Но в то же время мы, конечно, заинтересованы в стабильных поставках зерновых и масличных культур. Это те вещи, которые мы активно покупаем, постоянно покупаем в основном с России, с Казахстана, с постсоветских стран. И мы хотели бы иметь гарантии таких стабильных поставок на среднесрочную и более перспективу. Мне кажется, здесь мы должны тоже нарабатывать какие-то механизмы.

Маринэ Восканян: Фаниль Абдулхаевич, я бы вас попросила немножечко зафинишировать. Потому что у нас тут регламент. Мы обязательно вернемся к вопросам, связанным с экономическими нашими процессами...

Фаниль Кадиров: Я прошу прощения. Я думал, наоборот, у меня еще много времени.

Маринэ Восканян: Я по вашему выступлению отметила несколько важных пунктов. Я бы хотела, чтобы мы вернулись к ним уже в процессе дискуссии. Но просто, чтобы мы уложились, давайте мы тогда будем держаться нашего регламента.

Фаниль Кадиров: Все, Маринэ, я понял. Я сейчас буквально так телеграфно еще обозначу некоторые моменты.

И третий момент, для чего для нас как для страны, которая double-landlocked country, то есть не имеет выхода к морю, и до моря нам нужно проехать как минимум две страны... Это, конечно, сотрудничество в транспортной сфере. Для нас это жизненно важно, жизненно необходимо. И мы имеем те маршруты поставки, которые имели. Сегодня многие из них не работают. И мы должны сообща находить альтернативы новым транспортным коридорам... Здесь я не могу не упомянуть то, что мы сейчас вместе с Кыргызстаном проект по строительству железной дороги, вместе с Китайской Народной республикой (КНР, Кыргызстан, Узбекистан). Я думаю, что этот проект будет органично дополнять действующие маршруты, способствуя превращению СНГ в ключевое звено трансконтинентальных транспортных перевозок.

И еще один вопрос, который здесь в дискуссиях был обозначен. Что касается постсоветского пространства как поля столкновения интересов крупных геополитических акторов (США, Китай, Европа), что можно здесь выделить? Я думаю, что...

Маринэ Восканян: Коллеги, давайте мы тогда, я думаю, этот вопрос на второй раунд пустим. А то у нас тогда придется каждому сейчас минут по десять с чем-то или пятнадцать выступить. Мы тогда просто можем в дискуссии..

Фаниль Кадиров: Все, давайте. Спасибо большое...

Маринэ Восканян: Давайте мы отдельно вынесем сейчас, как в отдельную тему, это взаимодействие с международными центрами силы. Это действительно очень интересный, важный вопрос. Кстати, в контексте вчерашних еще дискуссий, если вы на них присутствовали, тоже было очень интересно позицию наших коллег услышать из Индии, и про Китай, и были у нас там коллеги из Европы... Я думаю, мы сейчас дополним то, что они говорили... Спасибо большое, Фаниль Абдулхаевич.

Фаниль Кадиров: Спасибо.

Маринэ Восканян: Прошу вас, Гузель Майтдиновна.

Гузель Майтдинова: Благодарю за возможность выступить перед вами. Спасибо за организацию столь замечательного форума. Поскольку вчерашние все сессии были очень интересны, были приглашены высокопрофессиональные специалисты... И для нас это было достаточно интересно послушать.

Что касается Центральной Азии, действительно мы сейчас живем в достаточно динамичном мире. Происходят активные геополитические изменения, которые на первый взгляд незаметны. Но начиная с 1992 года у нас идет активное становление государственности. И процесс этот, если взять пример Таджикистана, у нас совпал с гражданской войной. Межтаджикский конфликт, который длился пять лет. И, конечно, это несколько замедлило становление государственности. В этот же период происходила интеграция в глобальные и региональные организации, в Организацию Объединенных Наций, другие организации. Создавались основы других международных организаций, в финансовые институты интегрировались. И в Центральной Азии создавалась своя система безопасности – Организация договора коллективной безопасности. В тот же период создавалось Содружество Независимых Государств. И Таджикистан оказался, как всегда, внешними границами СНГ.

Таджикистану приходилось как континентальному государству обустроить свои границы. И, конечно, со всеми государствами, которые возникали новые, с которыми граничил Таджикистан, были неопределенные границы. На которых необходимо было решать пограничные проблемы. Таджикско-китайскую границу решали коллективно государства: Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Те, которые имели общие границы с Китаем. А вот с Кыргызстаном и Узбекистаном они достаточно длительно решали все эти спорные вопросы. Особенно это касается конфликтной Ферганской долины, разделенной на три государства. И до сих пор у нас идут рабочие процессы по урегулированию пограничной проблемы таджикско-киргизских границ. А вот с Узбекистаном успешно решены в 2018 году. Это прецедент в истории дипломатии, когда очень острые пограничные проблемы

были решены мирно, к обоюдному согласию. После которого Таджикистан и Узбекистан заключили стратегическое партнерство.

И в 2022 году стали союзниками. То есть это важный момент в истории Центральной Азии.

Кроме того, у нас в этот же период, к началу 2000 года, государства Центральной Азии уже заложили основы своей государственности и уже стали определять свои национальные интересы. И в 2002 году Таджикистан объявил, что во внешней политике будет руководствоваться своими национальными интересами. И была принята в начале 2000-х годов своя концепция внешней политики, где приоритетом обозначили постсоветскую Центральную Азию, потом СНГ. И далее уже внешние акторы. Но если взять современную ситуацию, то стратегическим союзником Таджикистана является Россия. И в то же время является стратегическим партнером. Стратегическое партнерство установлено с Казахстаном, Китаем и другими государствами.

Следует сказать, что на консолидированную позицию центрально-азиатских государств Генеральная Ассамблея ООН в конце июня 2018 года приняла резолюцию «Укрепление регионального международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности, устойчивого развития в Центрально-Азиатском регионе», разработанную по инициативе Узбекистана совместно с Таджикистаном и другими соседними государствами Центральной Азии. В которой впервые была зафиксирована консолидированная позиция всех государств Центральной Азии по основным проблемам региона и отражена многосторонняя политика устойчивого регионального развития. Глобально инициативы Таджикистана были поддержаны всеми центрально-азиатскими государствами. Что свидетельствует не только об общем видении стран проблем гидроресурсов в XXI веке, но и об упрочении позиций новых государств в мировом сообществе.

22 марта 2018 года в ООН был дан старт началу международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития на 2018-2028 годы». Совсем недавно, 22 марта, президент Таджикистана выступил на исторической второй конференции ООН по среднесрочным всеобъемлющему обзору целей международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития на 2018-2028 годы».

То есть все эти инициативы на глобальном уровне свидетельствуют о признании новых государств Центральной Азии на глобальном уровне, на региональном уровне. И о роли, которую уже играют новые государства Центральной Азии с момента становления.

Сейчас в Центральной Азии, учитывая возникшие новые вызовы после пандемии и связанные с трансформацией мировой системы международных отношений, а также актуальными проблемами – афганского фактора и нетрадиционных угроз, которые мешают устойчивому развитию центрально-азиатских государств, формируются новые форматы сотрудничества.

Прежде всего стоит отметить формат «Центральноазиатской пятерки», которая призвана решать чисто региональные проблемы. Плюс ко всему, консолидированное

сотрудничество с внешними акторами для выработки общих решений, общих подходов по региональным вопросам. И это важный момент, это новый момент в истории международных отношений Центральной Азии. И сейчас идет вопрос о формировании саммитов «Центральноазиатской пятерки» на регулярной основе. Потому что интеграционные процессы в Центральной Азии важны. Потому что во всех государствах Центральной Азии идут модернизационные процессы. И для этих государств нужны рынки сбыта произведенных товаров. А это возможно только с созданием общего рынка и созданием общего таможенного пространства.

И еще одним важным моментом для центрально-азиатских государств является, поскольку мы континентальное государство, от нас далеки главные мировые торговые пути, и у нас, конечно, есть стремление к выходу к мировым торговым путям... И для нас очень важна интеграция Южной и Центральной Азии. Инициатива Узбекистана подхвачена другими государствами Центральной Азии (строительство коммуникаций). Единственным препятствием, конечно... Наиболее краткий путь был бы через Афганистан. Но нестабильный Афганистан как раз мешает решению этих вопросов. Но есть альтернативные возможности. Например, мы сейчас активно ведем переговоры, и уже есть практика использования портов Туркмении, Казахстана (Актау и Туркменбашы).

А там через Иран и дальше транзитом к южным морям. Это к иранскому порту Чабахар в Индию, Пакистан. То есть уже есть межрегиональная связь с Южной Азией. То, чего мы добивались долгий исторический период.

И, конечно, у нас есть... Пожалуй, Таджикистан – единственная страна, которая изначально выработала свою программу сопряжения с китайской инициативой «Один пояс – один путь». И эта программа начала реализовываться, потому что она сопряжена именно со стратегией развития Таджикистана до 2030 года. То есть инвестиции, которые идут по этой программе, помогают реализации национальной стратегии развития. И мы с китайскими коллегами обсуждали до недавнего времени, как мы будем... Например, Евразийский экономический союз. Как же будет сопрягаться Евразийский экономический союз и инициатива «Один пояс – один путь». К тому же до сих пор не выработаны механизмы реализации этой инициативы. Прорекларировано, только какие они должны быть? Каково должно быть это сопряжение? И, на мой взгляд, это должны быть, поскольку Таджикистан не является членом Евразийского экономического союза, и поскольку с 2015 года Таджикистан изучает этот процесс на примере Кыргызстана и Армении, его плюсы и минусы... То двум государствам Центральной Азии, Казахстану и Кыргызстану, и другим государствам Евразийского экономического союза нужны общие проекты совместно с китайскими инициативами. И сопряжение это необходимо именно для реализации общих проектов по этой инициативе.

Маринэ Восканян: Гузель Майтдиновна, большое спасибо. Но я хотела бы отдельно отметить, что вообще тема так называемого коридора «Север-Юг» в последнее время является очень актуальной. Практически ни одна международная конференция не

обходится без ее обсуждения. Потому что, конечно, уже давно, много лет все говорят про дорогу с востока на запад. И вообще традиционно обсуждалось именно это. в то время как сейчас очень много интересов региональных игроков и международных сосредоточено на этой потенциальной линии «Север-Юг»...

Гузель Майтдинова: Да. И мы заинтересованы в том, чтобы «Север-Юг» был задействован в наших национальных интересах. И строительство канала к Каспийскому морю через Иран, допустим к Персидскому морю – это отвечает интересам всех центрально-азиатских государств. Отдельные коммуникации, новые коммуникации дают нам возможность более сплоченно работать в XXI веке.

Маринэ Восканян: Да. Спасибо большое. Ну что, тогда переходим к нашему следующему докладчику. Канатбек Азиз, прошу вас.

Канатбек Азиз: Спасибо большое! Приветствую, уважаемые коллеги Московского экономического форума, уважаемые участники! Отвечая на ваш вопрос по поводу интеграции на постсоветском пространстве, хотелось бы высказать такой тезис. За 30 лет интеграционные процессы, за прошедшие 30 лет, на постсоветском пространстве, безусловно, имели разную динамику. Я здесь с коллегами, предыдущими спикерами, согласен. Они имели разную динамику. То они ускорялись, то они притормаживались. И, безусловно, все это зависело от темпов строительства национальных государств. Исходя из этого говорить сегодня о некоем устойчивом развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве пока еще рано. Это надо признать.

Я не соглашусь с коллегой из Узбекистана по поводу СНГ. Поскольку сегодня время показывает, что некоторые организации, именно интеграционные проекты, себя изжили. Возможное участие с позиции Кыргызстана я, наверное, больше обозначу. Дело в том, что некоторые трансформировались либо перешли в другие организации, как по линии ЕАЭС. И это надо будет обозначить. Это один момент. Есть еще и другой. Сейчас идет в силу участия той или иной страны, допустим, в нескольких организациях, в интеграционных проектах, дублирование. Организаций или тех или иных задач. И все это говорит о том, что, вероятно, нужно провести ревизию всех этих интеграционных проектов с возможностью исключить их в дальнейшем. поскольку сегодня геополитическая нестабильность очень сильно на это влияет.

Что касается СНГ, стран Центрально-Азиатского региона, то некоторые интеграционные проекты сегодня вынудили говорить о кооперации. Кооперация сегодня нужна именно с соседями. Коллеги мои из Таджикистана и Узбекистана об этом тоже сказали. Насколько центрально-азиатский проект по интеграции получится, безусловно, покажет время. Но то геополитическое непостоянство, те события, которые происходят, непосредственно где принимают участие Россия и Украина, безусловно, заставляют, чтобы опять государства пересмотрели свои возможности кооперации и интеграционные возможности.

Дело в том, что сегодня нужно отключать страновой эгоизм, согласитесь. Например, говорить о том, что мы будем исходить только из национальных интересов, – это тоже неверно. Мы говорим об этом на разных площадках, когда встречаются государственные аналитические центры... И проговариваем: это является одной из главных повесток.

Что касается вызовов, то, безусловно, на этих же площадках одной из повесток являются вопросы безопасности. Это вопросы климата, экономической безопасности, которые в принципе затрагивают и вопросы продовольственной безопасности и т. д. То есть нужно понимать, что сегодня те события, которые произошли в 2020 году, в 2019-м, в постпандемийный период и т. д., заставили пересмотреть все эти вызовы совершенно по-иному. И решать эти вопросы только сообща.

Например, Кыргызстан, учитывая именно эти позиции – безусловно, я со своим таджикским коллегой соглашусь – Садыр Нургожоевич Жапаров уже несколько раз обозначил и поднимал инициативу по поводу воды. Устойчивому развитию ледников и т. д. Я думаю, все эти проекты будут интересны и для самой России тоже.

Что касается вопросов Китая, интеграции с Россией и Китаем, я думаю, это будет вопрос следующий. На него мы уже ответим. Спасибо.

Маринэ Восканян: Спасибо, Канатбек. Вы, конечно, уже начали определенным образом обострять некоторые вопросы нашей дискуссии. Но мы к ним вернемся. Я хочу отдельно сказать, что вообще вопрос того, как региональные интеграционные объединения могут работать, при этом не порождая новые конфликты, является одним из самых актуальных вопросов сегодня мировой геополитики. Вчера на этой сцене на пленарной дискуссии международной сидели уважаемые коллеги. И особенно хотела бы отметить - наш уважаемый гость из Бразилии Жозе Альфреду Граса Лима. Который как раз много лет работал в ВТО, где он представлял интересы Бразилии, именно с целью отстаивать интересы стран... Как Бразилии, так и стран своего Южноамериканского региона. И как раз он тоже отметил, что нынешнее время – настолько сложное и конфликтное – ставит задачу выработать форматы. Как можно иметь разные региональные альянсы интеграционные и при этом все-таки всем вместе не идти к какому-то неразрешимому конфликту.

И, раз уж вы позволили себе, я себе позволю буквально полминуты... Раз вы упомянули Украину, я могу вам сказать: я очень хорошо помню, это было, наверное, году в 2013, мы были в Европе на одной конференции... И коллеги европейские говорили о том, что выбор стоит перед странами постсоветского пространства. Что если они хотят определиться в сторону Европы... Один коллега российский вышел на сцену, хотя ему не хотели давать слово, буквально вырывали микрофон у него. Он сказал: «Вы не понимаете, что если вы ставите вопрос вот так, что надо выбирать, или это, или то, то вы просто доведете дело до чего-то очень плохого. До какого-то страшного конфликта. Если вы будете ребром ставить вопрос, что перед всеми странами этими, которые находятся между этими большими центрами силы, если вы будете их рвать на части. Что или туда, или сюда». И, понимаете, эти слова оказались просто в конечном счете пророческими.

Поэтому это очень важный вопрос. Я надеюсь, в раунде, когда мы будем международных игроков обсуждать, мы к нему вернемся.

Тогда двигаемся дальше по нашей сцене. Ну что, Богдан Кайдарович, тогда слово вам.

Богдан Цырдя: Безусловно, говорить об интеграционных процессах именно в рамках СНГ — я про СНГ говорю как организацию — сегодня будет крайне наивно. Может, даже и неадекватно слегка. Почему я говорю об этом? Смотрите. Грузия с 2008 года фактически разорвала связи. Украина где-то с 2014 года фактически разорвала связи с СНГ. Молдова с 2022 года (я представляю Республику Молдова) не платит членских взносов в СНГ с приходом проамериканской партии Майи Санду. Более того, Молдова запретила вещание российского канала «Мир», посчитав, что какие-то 150 000 долларов в год — это огромнейшая сумма для Республики Молдова. Я вам напомню, что в Молдове один гей-парад стоит 50 000 евро, то есть треть от годового вещания этой станции «Мир».

Более того, на пространстве СНГ, как мы видим, одновременно разворачивается крупный геополитический проект, который разрывает его изнутри. И который является актом, скажем как есть, агрессии со стороны более крупных геополитических игроков. Это и Восточноевропейское партнерство, это IGUA, это и Парламентская ассамблея турецких народов, и это многие другие. Но мы об этом еще поговорим. Кстати, в этих проектах тоже не так все сладко, как некоторым может показаться.

Безусловно, СНГ был как-то обречен с самого начала, потому что это была форма развода, которая была зафиксирована в самом названии. Обычно, когда речь идет о союзе, то мы его называем Советский Союз, Соединенные Штаты, Европейский Союз, Евразийский Союз. А когда мы говорим о содружестве независимых — повторяю: независимых — государств, то в самом названии уже заложен факт разрыва, понимаете, а не объединения. И это видно уже. Потому что здесь нет, в отличие от Евросоюза, ни своей монеты, ни своего правительства, ни избранного президента, ни функционального избранного парламента. А то, что называется исполкомом, например, СНГ и т. д., — это органы, которые выполняют важные функции, но обычно они имеют рекомендательный характер.

При этом самое страшное для нас состоит в том, что мы, грубо говоря, проиграв, как считают наши оппоненты, третью холодную войну... На нас наставили соответствующую дань, которую мы до сих пор платим. Которая видна в процессах демократизации, десекуляризации, деурбанизации. Возьмите любую республику из стран, входящих в СНГ, и посмотрите на количество населения — кроме Узбекистана, Туркменистана и слегка Казахстана — везде идет депопуляция. Везде идет деурбанизация. Я по Молдове вам скажу. При СССР у нас было 4,5 млн населения. Сегодня — 2,6 млн. Где 2 млн? Где они? Про Россию промолчу. Про других — то же самое. Про Беларусь, Украину, где было 50 млн почти... Сегодня сколько? 35 в лучшем случае, многие говорят, 30. Посмотрите на структуру экономики. Ту же самую Молдову возьмем. У нас было более 40 с чем-то процентов ВВП от промышленности. Промышленная была республика. Сегодня у нас 17% промышленности в структуре ВВП.

Самое страшное для нас состоит в том — я говорю сейчас про Молдову — что мы начали процесс европейской интеграции. И на фоне этого процесса, который так расхваливают в Казахстане, кстати... Про Армению молчу. Про Армению уже понятно и про Грузию... Мы превратились — я вам дам пару цифр, чтобы вы понимали, что такое европейская интеграция. Первое. Credit Suisse, 2013 год. Молдова — самая бедная страна Европы. Не Евросоюза, а Европы. Здесь мы конкурировали с Киргизией долгое время, сейчас — с Украиной. Не поймешь, то ли мы самые бедные, то ли они. Это первый пункт. Второй пункт. Самая коррумпированная судебная система в мире, согласно данным Всемирного экономического форума, 2015-2016 год. Третье. Самые плохие дороги в мире, согласно данным того же форума от 2015-2016 года. Четвертое. Первые места в Европе по онкологии, по смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, по смертности от гепатитов и т. д. Занимали первые места в Европе по коррупции. Это страна, которая с 2002 года интегрируется в Европейский Союз. Понимаете?

То есть полная демодернизация, полный неофеодализм, полное неокрепостничество. Более того, если смотреть на структуру экспорта-импорта, у нас импорт в два раза превышает экспорт. Мы вот в этом году... Но если бы мы не были членами СНГ, у нас была бы вообще полная катастрофа. Просто полная катастрофа. Вот я вам даю примеры. Мы в СНГ экспортируем 24% нашего экспорта. Это 1 млрд долларов. А в Евросоюз — 58%, 2,5 млрд долларов. И это все потому, что Европейский Союз через свои марионеточные партии запрещает молдавской сельхозпродукции экспортироваться в страны СНГ. В этом году Майя Санду, в 2022-м, запретила для 53 предприятий экспорт в страны СНГ. Чтобы вы понимали, что это такое. Это катастрофа. У нас в третьем квартале в ВВП доля сельхозпродукции упала на 20%, в третьем квартале 2022 года, по сравнению с 2021 годом. На 20%. Годовой ВВП — минус 6%.

Мы вышли из энергетической системы СНГ. Знаете, что произошло? Чтобы вы понимали, катастрофа. Если раньше у нас газ стоил 4 лей — это 20 рублей, грубо говоря, по российским — сегодня 29 лей. Это 125 рублей по российским рублям. Вы понимаете, что это такое? Это для такой страны, как Молдова, катастрофа. У нас киловатт энергии был самый дешевый в Европе после Украины. Он стоил полтора молдавских лея. Грубо говоря, это шесть российских рублей. Сегодня это 4 лея 60, это 20 рублей киловатт. В самой бедной стране Европы!

Только благодаря СНГ Республика Молдова еще удерживает хоть какие-то элементы промышленности, урбанизации, хоть какие-то элементы сельского хозяйства и т. д. И это несмотря на то, что я сказал. Что в СНГ идут элементы дезинтеграции, что в СНГ демодернизация и многие-многие проблемы.

Поэтому, заканчивая — 20 секунд — хочу сказать, что Содружество Независимых Государств — это огромный рынок. Это самые дешевые, наверное, удобрения в мире. Это самый дешевый газ, самая дешевая электроэнергия, самая дешевая нефть, самая дешевая рабочая сила. Это возможность реальной модернизации и останова процессов

распада государств, распада наций и национальных экономик. Это происходит во всех странах, которые стали членами Восточноевропейского партнерства: Грузия, Украина, Молдова... И, к сожалению, – вот коллега из Армении, – и Армения. Спасибо за внимание!

Маринэ Восканян: Богдан, я так вижу, у нас выступление каждое следующее становится все более насыщенным. Потому что вопросы эти нельзя обойти. Но я хочу сказать: давайте я все-таки удержусь от комментария. Много что есть сказать о том, что вы сказали. Давайте мы все-таки продолжим, дадим выступить нашим коллегам, и потом вернемся. Но, если очень коротко сказать, это тоже первый вопрос современности ключевой. Это как вообще сделать так, чтобы региональные альянсы кого-то не разрывали на части. А второй вопрос, связанный с ними, тоже достаточно важный – что даже если кто-то вошел в какой-то региональный альянс по каким-то причинам, экономическим или политическим... То можно еще задать себе вопрос: а вообще чем это кончится для него? Потому что само по себе вхождение в какой-то альянс может ведь повлечь за собой последствия как позитивные, так и негативные. От того, что кто-то с кем-то стал вместе по каким-то причинам, это ведь еще автоматом не означает, что от того, что он стал вместе, ему стало лучше. Если бы это так было, тогда бы у нас вообще человечество по-другому могло бы жить. Если бы мы научились всегда вместе все – win-win, как говорят по-английски, всегда чтобы любое объединение давало только такой результат.

Но мы еще вернемся к этим сложным темам во втором раунде. Тогда, Карлыгаш Жандильдиновна, я прошу вас продолжить.

Карлыгаш Нугманова: Прежде всего разрешите поблагодарить организатора форума Константина Бабкина, модератора нашего сегодняшнего Маринэ Восканян. Два дня уже проходит такое резонансное мероприятие, собраны такие латентные симпатизанты из разных стран, релевантные спикеры собраны сегодня. И поэтому можно будет вынести хорошие рекомендации.

Вообще, конечно, анализ самого политического процесса на сегодняшний день показывает, что в калейдоскопе геополитических событий происходит смена парадигм и мультипликация противостояния. И мы видим, что здесь отчетливо вырисовываются такие нотки по переформатированию, по обнулению и вообще изменению нарратива сегодняшнего устройства постсоветского пространства.

Конечно, на сегодняшний день постсоветское пространство как бы является яблоком раздора. Это как мифические богини Гера, Афина, Афродита, как лакомый кусок, делят и Центральную Азию, и постсоветское пространство в погоне за ресурсами. И вот мы находимся в таком состоянии. Но мы не должны забывать, что мы живем на переломе старого мира и выхода в новый мировой порядок. Новый мировой порядок унесет четвертую промышленную революцию, унесет шестой технологический уклад. Мы переходим в мир, создаваемый финансовым и валютным фондовым миром. И надо знать, что на сегодняшний день, конечно, неолиберальный дискурс уже прерывается. И современный мир сегодня находится на этапе переагрузки.

И вот в такой ситуации, когда наступает динамичный, насыщенный событиями период, у нас происходит исторический разлом. Когда заканчивается одна эпоха и начинается другая эпоха, но она неразведанная, она неизвестная. И что она несет? И в этой ситуации что для нас, для глубинного государства, или, как мы называем, для дипстейта, является лучшим способом? Политическая дестабилизация, создание предпосылок к социальным бунтам. Будут голодные бунты, будут войны между, допустим, соседями. Это выгодно. Таджикистан – Кыргызстан, это водная безопасность, допустим. Приднестровье – Молдавия, допустим. Война – это будет, наверное, бытием уже человеческого капитала. Но мы за эти 30 лет, постсоветские государства, во что превратились? Мы превратились в страну менеджеров, маркетологов, юристов и маркетов. У нас так и не взрастился настоящий человеческий капитал.

Действительно вы говорите, что Молдавия первое место занимает в постсоветском пространстве по коррупции. Я думаю, что все постсоветское пространство в одном ряду стоит. Потому что действительно из-за коррупции и война эта началась на Украине. Коррупция – это наша ахиллесова пята всего постсоветского пространства. Я так считаю.

Надо сказать, что сегодня наступают такие эпохальные времена. В связи с чем? в связи с разворотом на Восток. Наступает время Востока. Допустим, сейчас Россия, Китай и Иран. Конечно, здесь спешить... Русская пословица говорит: «Поспешись – людей насмешишь». Но восточная имеет такую коннотацию: спешка – это дело рук шайтана. Поэтому это не одного года разворот будет в сторону Востока. Если, например, весь 2022 год Иран стучался в окно России, то уже в 2023 году Россия стучится в форточку Ирана. И Китай, например. То, что давление НАТО, давление США на Китай – это, наоборот, улучшило взаимоотношения Китая и России.

И этот экономический пояс Великого шелкового пути – это самая лучшая, наверное, дипломатия. Это мягкая сила, это soft power Китая, которая тихим сапом в дипломатической публичной политике делает интеграцию. Большую интеграцию, как аналог ВТО. И Казахстан – это мост, сердцевина, через которую проходит пояс экономического Великого пути.

И мы все понимаем поэтому, что возникающий мир сегодня требует новых инициатив. И если, допустим, говорить о России, вот я говорю о коррупции... России что мешает? Понятно, что Россия должна сегодня предоставить какую-то повестку мирового характера. Но понятно, что этот режим, который существует сегодня в России, – кланово-олигархический. Но он выглядит менее выигранно. Потому что они находятся под ударом ультраглобалистов. И из-за этой невозможности достичь желаемого в политике многие здесь впали в состояние фрустрации. И война в России стала новым бытием. В результате чего наступил когнитивный диссонанс у многих жителей России. И, естественно, исходя из этого пошли экзистенциальные проблемы, и когнитивный диссонанс пошел. Потому что преобладание двойных стандартов и изменение правил игры являются драйвером движущих факторов новых сценариев. Потому что новые сценарии построены заранее. Мы

живем по сценарию, который уже был построен. И все это ломает все логические основы. А соперничество вообще становится каким-то путевым нарративом, треком, что ли, новой большой игры стало. Хотя вся эта новая игра — мы все понимаем, осознаем, что она основана на контроле за ресурсами и коммуникациями.

И как тут не допустить нам великого разлома вообще всего постсоветского пространства? Для этого нужно, наверное, что? Гуманитарная политика нужна. Политика должна быть идеологизирована. И поэтому мне тут сегодня вручили вот эту книгу, я вчера только подумала: почему нет национальной идеологии? Нужна идеология вообще. Без идеологии ни одно высокоорганизованное государство не может вперед шагать. И поэтому, когда мне сегодня вручили национальную идеологию России...

Маринэ Восканян: Я просто хочу сказать: у нас на форуме есть очень много авторов таких книг. И у них всех не одно и то же в этих книгах написано. Так что это не то чтобы такая у нас уже признанная в стране идеология, в этой книжке, которую вы показываете. Это одна из версий, которая просто кем-то представлена... Карлыгаш Жандильдиновна, я вас прошу, во-первых, все-таки это как-то завершать, поскольку у нас регламент. да, конечно, мы уже движемся ко второму вопросу. Просто как паровозы, на всех парах. Поэтому давайте тогда... Хотите еще что-то добавить — и передадим слово Миграну Абрамовичу. Давайте на второй раунд уже это все. Мигран Абрамович, вот в таком виде до вас дошло наше обсуждение. Поэтому ждем, что вы нам теперь скажете.

Мигран Шахзадеян: Я хотел присоединиться к словам о высокой оценке Московского экономического форума. И за возможность принять участие в форуме. И, поскольку вопрос, который стоит в нашей секции, который мы обсуждаем, очень многогранен, многосторонен... Я попытаюсь на двух вопросах остановиться вначале. Речь идет о том, какая модель дезинтеграции... А мы понимаем, что распад СССР — это был дезинтеграционный процесс... Какая модель была выбрана, происходила, и как это все в трансформациях до сих пор действует.

Такую модель можно было бы назвать конфликтной моделью дезинтеграции, как принято в политологии это называть. Она связана с тем, что сам распад Советского Союза и создание СНГ происходили в очень сжатые сроки, при этом без серьезной проработки новой политической и экономической реальности. При отсутствии деятельной концепции и стратегии межгосударственной интеграции. Свою деструктивную роль сыграли такие моменты, как шоковая перестройка, либеризация экономики в стихийно развивавшихся рыночных условиях. Разрыв производственных связей между республиками. Пусковым механизмом стала также ориентация на топливно-сырьевую экономику. Это очень важно, что сегодня Московский экономический форум эти вопросы поднимает очень серьезно. И от решения этих вопросов многое зависит в дальнейшей интеграции постсоветского пространства. И приватизация сырьевых ресурсов в России и других некоторых государствах, которая стала одним из пусковых механизмов этой дезинтеграции.

И также в национальных республиках происходил процесс смены гражданской идентичности, которая была в Советском Союзе... При всем уважении к национальным отношениям, к национальным правам, но все-таки там преобладающей была гражданская идентичность... Переход к этнической идентичности, связанный с территориальными вопросами и т. д.

И очень важный вопрос, что вначале интеграционные процессы имели моноцентрический характер. То есть все было связано вокруг России, все эти тенденции шли вокруг России. Но потихоньку, постепенно от моноцентрической интеграции был совершен постепенный переход к полицентрической интеграции. Были созданы такие образования, как ГУАМ, ЦАС, Евразийский экономический союз и другие.

Есть такая поговорка: «Как запряжешь, так и поедешь». Вот почему я эти вопросы поднял.

Теперь речь идет о том, что нам мешает в процессах интеграции. Какие вызовы. А вызовов много. Но я остановлюсь на самых острых. Первое – это вопрос границ. В соглашении о создании СНГ и Алма-Атинской декларации декабря 1991 года указаны существующие границы. То есть это или границы тех независимых государств на момент создания СНГ, или административные границы. Ясности нет. И поэтому эти споры продолжаются, с вооруженными столкновениями. В 2021 году Азербайджан решил, что он может военным путем войти на территорию Армении, оккупировать определенную территорию. В 2022 году продолжился этот процесс. 300 кв. км суверенной территории Армении было оккупировано. Но это все делается, конечно, при поддержке и непосредственном участии Турции. На днях этот процесс продолжился.

Второй вопрос, который очень важен, – я согласен с коллегами, – это безопасность, вопросы безопасности. Для их решения была создана ОДКБ. Но, к сожалению, когда этот конфликт возник, и когда уже Азербайджан вторгся на территорию Армении, ОДКБ совершенно оказалась недействующей организацией. И эти проблемы – надо очень серьезно к ним относиться и решать.

Другой вопрос – это проблема непризнанных государств. Мы знаем, что при дезинтеграции и вооруженных столкновениях – это касается Абхазии и Южной Осетии, это связано с грузинско-российским конфликтом, это касается и Нагорного Карабаха, это касается Приднестровья – эти тоже не решены. Дело в том, что закон Советского Союза от 3 апреля 1990 года вопросы, связанные с этим делом, достаточно хорошо регулировал.

Но, к сожалению, этот вопрос до сих пор не решен. И мы видим очень серьезные кровавые конфликты на последней войне, количество жертв перевалило за 10 000 человек. Причем и среди мирного населения огромное количество жертв.

Что касается вызовов внешнего влияния. Внешнее влияние, тенденции внешнего влияния усиливаются. Ряд стран предлагали свои проекты интеграции. Это делал Евросоюз, который предложил Восточное партнерство. Но, обратите внимание, без России. Но особенно продвинулась Турция. Турция, сперва которая предлагала культурную

интеграцию, культурно-языковую интеграцию, потихоньку перешла на уже политические рельсы. И после победы Азербайджана и Турции в последней войне 2020 года был очень серьезный импульс, и была создана Организация тюркских государств. Интересно, что эта организация основывается на этнорелигиозном, что ли, принципе, продолжении идей пантюркизма. Насколько это в XXI веке может работать, это большой вопрос.

Я хотел бы процитировать высказывание директора Института этнонациональных стратегий Александра Кобринского. Вот что он пишет. «Турция, лавируя между Россией, Китаем, ЕС и США, получает от России дешевые энергоносители, от Китая – кредиты на развитие, от ЕС – технологии. Но, обратите внимание, от США – мандат на оперативное управление Центрально-Азиатским регионом. И функционал не просто представителя НАТО, а орудия, которое выбьет оттуда Россию и Китай». Здесь речь идет, скажем, о сотрудничестве в рамках Организации тюркских государств. Здесь надо в первую очередь выделить отношения между Турцией и Азербайджаном. План предложен такой: одна нация, два государства. Потихонечку он преобразился в другой лозунг, формулировка такая: «Два государства – одна единая армия». И на сегодняшний день на территории Азербайджана базируется турецкая армия, то есть армия НАТО. Надо нам это осознавать, понимать, какие отсюда могут быть вызовы, и как эти вопросы можно решать.

Мы знаем также, что организация ШОС тоже имеет достаточный интегративный потенциал. Но вместе с этим интеграционным потенциалом есть и определенная сегментация постсоветского пространства и даже выход за эту территорию. Даже термин «постсоветское пространство», некоторые считают, потерял свое историческое значение. И надо говорить о евразийском пространстве. Но это вопрос, который нужно обсуждать. Но речь идет о том, что надо принимать определенные концепции, механизмы регулирования этих всех процессов. И эти процессы должны быть институциональными. А не просто так: мы сели, поговорили, о чем-то сказали и разошлись.

Тут есть определенные вопросы, связанные с безопасностью, и экономической, и военной. Но, видимо, это уже мы продолжим разговор чуть попозже. Спасибо.

Маринэ Восканян: Да. Мигран Абрамович, большое спасибо. Просто мы автоматически в какой-то момент начали переходить ко второму вопросу. Потому что, конечно, нельзя обсуждать постсоветский регион, не упоминая его соседей. Единственное – хотя все выступления очень разные, очень острые, каждый затрагивал свои важные, болезненные точки – но можно сделать вывод только один. Обратите внимание: все говорят о том, что страны постсоветского пространства, как Карлыгаш Жандильдиновна сказала про яблоко, которое стояли эти богини и делили между собой, кому достанется... Получается, что эти регионы становятся жертвами того огромного конфликта, распада однополярного мира, который мучительно пытается перейти к многополярности... И, как будет этот процесс идти, никто не понимает. И поскольку эти новые полюса – каждый хочет себя в этом многополярном мире утвердить – то они борются за свое влияние в этом новом мире.

И, разумеется, частью этой борьбы является распространение своего влияния на различные страны и регионы. И получается, что те, кто оказывается, что называется, внутри этого процесса, просто, даже сами того не желая, оказываются вовлечены в эту ситуацию. Когда их пытаются вовлечь куда-то: «Давайте с нами», «Нет, с нами» и т. д. И это я вижу четко, что практически в каждом выступлении у нас эта тема была затронута.

Но все-таки, знаете, Карлыгаш Жандильдиновна, не хочется это сводить к тому, что всех нас ждут бесконечные конфликты, и не будет найдено никакого решения. Кроме того, что все будут друг другу врагами и будут только... И не будет найдено никакой возможности сосуществования даже разных концепций жизненных. Все-таки многополярный мир и, я бы сказала, многоцивилизационный в идеале должен быть не полем бесконечной битвы цивилизаций. А шагом вперед была бы как раз попытка научиться, несмотря на то, что все разные, совместно, несмотря на эти различия, найти пути сосуществовать. Другое дело — как их искать, как они будут найдены. Это пока не очень действительно понятно даже в мировом масштабе. Но, тем не менее, уважаемые коллеги...

Ну что ж, давайте перейдем к такой важной теме. Можно прокомментировать этот вопрос о том, как сейчас осуществляется это влияние разных центров силы в постсоветском регионе. И дать свою оценку просто этому. Я, кстати, хочу отдельно подчеркнуть, что, мне кажется, было бы важно дать просто оценку тому, как это происходит. То есть у нас нет сейчас здесь задачи выработать вектор, кому куда надо. Мы хотим просто проанализировать ситуацию и просто понять, что вообще происходит у нас. Давайте, наверное, тогда пойдем в том же порядке. Фаниль Абдулхаевич...

Фаниль Кадиров: Спасибо большое. Если проследить после небезызвестных событий, кризиса российско-украинского, можно четко проследить, что интерес к Центральной Азии других акторов, скажем так, держав, очень сильно возрос. Он на каком-то этапе на втором месте находился, на третьем, на четвертом. А сейчас мы видим, что и госсекретарь посетил ряд стран Центральной Азии, и Европейский Союз — несколько было турне и встреч с государствами Центральной Азии... Сейчас активизировался процесс ЦА+. Уже есть ЦА плюс Российская Федерация, ЦА плюс США, Индия. Вообще мы насчитали около 13. Даже Япония, Китай 18 мая проводит саммит — по-моему, 18 мая будет проводить — тоже ЦА+. То есть интерес такой растет. Я был на переговорах, когда государство Израиль тоже выдвинуло такую инициативу: Центральная Азия плюс Израиль. Также прорабатывается, скажем так, вопрос.

То есть интерес к региону растет. Ну, понятно, по каким причинам. Европейский Союз пытается найти альтернативные энергетические источники. Также не так все просто, потому что инфраструктура не работает. Точнее, нет соответствующей инфраструктуры. Китай давно уже работает в регионе, продвигая свою глобальную повестку «Один пояс — один путь». И здесь нужно определиться. С Российской Федерацией, допустим, у нас есть экономическое партнерство и союзнические отношения. И большой пакет инвестиционных соглашений и проектов идет далеко за горизонт, на десятилетия вперед. И здесь на месте

Узбекистана нужно определяться. Нужно иметь определенные принципы. И вот Узбекистан имеет эти принципы. И он подходит в этих случаях, имея в виду такие подходы. Развитие отношений страны с одной державой не направлено против интересов другой.

Это наша принципиальная позиция. В своей внешней политике Узбекистан исходит исключительно из интересов обеспечения внутреннего социально-экономического развития, а не каких-либо геополитических предпочтений. Вот это фактически наш национальный интерес. Национальный интерес заключается в том, чтобы повышать благосостояние населения, увеличивать возможности для бизнеса, создавать новые производства, создавать новые рабочие места. У нас к 2040 году 50 млн человек население может составить. В 1991 году было 20 млн человек. То есть надо думать о том, какая экономическая модель в этих условиях наиболее приемлема. И поэтому для нас самый главный интерес – это то, что я сейчас только обозначил.

Следующее, что я хотел бы сказать: что Узбекистан всегда выступал за деидеологизацию своих международных отношений. И, конечно, мы видим борьбу за влияние в Центральной Азии. И мы хотели бы видеть Центральную Азию регионом стабильного развития, процветания и сотрудничества. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, как только был избран президентом, объявил: Центральная Азия – это главный приоритет внешней политики Узбекистана. После этого началось оживление этих всех процессов. Мы смогли договориться, как уже здесь сказали, и по границе со всеми странами. То есть самые сложные вопросы – делимитации и демаркации границ – мы уже фактически решили. Президент нашей страны говорит: нужно принимать политические решения, нужно идти на разумные компромиссы. Ничего другого не дано. Если мы не подойдем, не будем с этим подходом подходить к проблеме, мы никогда не решим.

Второй момент: о всех проблемах нужно говорить. Ясное представление имеется о том, что не все проблемы можно в одночасье решить. Но о них нужно говорить. И это такой процесс, который позволит когда-то приблизиться к тому решению, которое устраивало бы все стороны.

И еще хотел бы я сказать: мы не хотели бы ощущать на себе нежелательные политические последствия в связи с каким-то соперничеством в нашем регионе между крупными державами. Мы не хотели бы стать полем, на котором бы проводили, я извиняюсь за грубое слово, разборки крупные державы. Это не в наших интересах, это однозначно. И еще раз хочу подчеркнуть, что международная политика Узбекистана опирается на выстраивание добрососедских отношений в регионе. Руководствуясь этими принципами, мы и выстраиваем отношения со всеми крупными державами и акторами в мире. Спасибо!

Маринэ Восканян: Спасибо, Фаниль Абдулхаевич. Гузель Майтдиновна, вас тогда прошу прокомментировать уже затронутую нами такую сложную тему.

Гузель Майтдинова: О внешних влияниях в Центральной Азии. До недавнего времени в СМИ звучало о том, что в Центральной Азии возобновилась большая игра конца XIX века.

Но другое дело, что сейчас эта большая игра, если мы ее так называем, – участников стало намного больше. Во-первых, появились новые государства в Центральной Азии, в той или иной мере влияющие на эти процессы. И их интересы и их принципы безопасности должны быть учтены в этом процессе. Кроме того, усилился Китай, Россия. Нельзя не учитывать в этом процессе индийский фактор, пакистанский фактор, иранский фактор и, в конце концов, турецкий фактор. То есть роль внешних акторов достаточно сильная. И в этих условиях все государства Центральной Азии избрали для реализации своих национальных интересов многовекторную внешнюю политику. Равновекторную внешнюю политику. Для того, чтобы реализовать свои национальные стратегии. Для того, чтобы не обострять межгосударственные отношения. Для реализации своей стратегии развития.

Что касается, во-первых, недавно принятой доктрины национальной обороны Соединенных Штатов Америки, она настораживает.

Потому что там стратегическими соперниками названы Россия и Китай. Стратегическими соперниками. А это означает, что это соперничество будет усиливаться в Центральной Азии. Что может помешать реализации национальных интересов новых государств Центральной Азии, реализации коммуникационных, энергетических проектов. И в этом вопросе, конечно, центрально-азиатские государства будут принимать превентивные меры. Это очевидно.

И кроме того, конечно, фактор Европейского Союза. Европейский Союз принял обновленную свою стратегию специально для Центральной Азии. Причем стратегия Европейского Союза отличается от предыдущих стратегий тем, что сейчас принят принцип странового подхода. И в данном случае взято на вооружение для решения социальных задач... Например, в Таджикистане реализуют доступ к воде, занимаются объектами по нейтрализации радиоактивных отходов, экологическими проблемами, в конце концов.

Но первое место в торгово-экономическом сотрудничестве занимает все-таки Россия. Российский фактор. Второе место у нас в Таджикистане занимает Казахстан. И только на третьем месте – Китай. С Россией у нас установлено стратегическое партнерство, сотрудничество в рамках Организации договора коллективной безопасности. И российскую политику на современном этапе в Таджикистане и Центральной Азии, ее усиление, можно рассматривать в контексте восточной российской политики. И укрепляется у нас межрегиональное взаимодействие. Если, например, раньше, в 2000-х годах, акцентируется внимание на взаимодействии с регионами России, западной части России, то сейчас укрепляется связь между регионами Сибири и Дальнего Востока, взаимодействие в экономической области. Это сотрудничество выросло в разы. И это важный момент. Потому что ресурсы Сибири самодостаточны, и они взаимовыгодно дополняют нашу экономику. И они востребованы. Во-первых, наши трудовые ресурсы востребованы в Сибири. В свою очередь для нас очень важна, скажем, продукция тяжелого машиностроения, нефтепродукция и лес, конечно.

С Китаем мы первые из государств Центральной Азии приняли программу взаимодействия по сопряжению инициативы «Один пояс – один путь» и стратегии развития Таджикистана до 2030 года. И эта стратегия реализуется. Правда, во время пандемии несколько замедлился этот процесс. Но сейчас уже началась некая активизация.

Маринэ Восканян: Гузель Майтдиновна, спасибо. Уважаемые коллеги, я предлагаю держаться в регламенте три минуты сейчас комментария на этот вопрос. Чтобы мы потом еще успели пройти. Тогда, Канатбек, пожалуйста, прошу вас прокомментировать.

Канатбек Азиз: Спасибо большое. Коллеги уже озвучили интересы Центрально-Азиатского региона. Но я опять-таки повторюсь. Центральная Азия была всегда в зоне интересов и находилась на пересечении крупных мировых держав: России, Китая и объединенного коллективного Запада. Практически все страны Центральной Азии, безусловно, проводили многовекторную, многоплановую внешнюю политику и пытались с заинтересованными странами вести равнозначно на дружелюбной ноте ту политику, которая была бы интересна как для самой страны, так и для той стороны, которая заинтересована в таком сотрудничестве.

Но, если говорить непосредственно о России и Китае, безусловно, у нас есть общие границы. С Россией мы связаны общим советским прошлым, культурными ценностями, менталитетом. И это надо будет признавать. Например, если взять Китай, то Китай соприкасается с Казахстаном, с Кыргызстаном и с Таджикистаном. У них самая большая протяженность соприкосновения со странами Центральной Азии. И это надо будет признать. К примеру, сейчас, особенно после переизбрания Си Цзиньпина, усилилась работа по реализации глобальной инициативы, как уже было сказано, «Один пояс – один путь» И в этом году ровно десять лет как раз таки этой инициативе.

И я соглашусь и с тем, что сегодня Центрально-Азиатский регион стал интересен на фоне происходящих событий.

И в этом контексте, например, интерес проявляют и другие страны, крупные континенты, скажем так. Но нужно понять еще одно. Что сегодня для Кыргызстана крайне интересно, и оно заставляет пересматривать свою политику, соприкасаясь и работая сообща непосредственно с самими соседями. Поскольку сегодня, допустим, Центрально-Азиатский регион, сравнить если с прошлым, она работает более усиленно в той кооперации с пятью странами, именно с Центрально-Азиатским регионом. Это важно. Поскольку сегодня, например, тот же самый Китай заинтересован в том, чтобы Центрально-Азиатский регион, страны Центрально-Азиатского региона работали именно в новом формате. Причем, если взять, например, двусторонний формат взаимоотношений... Оно и усиливает – коллега мой Фаниль говорил об этом – пересмотреть, например, вопрос границ. Например, у нас очень хороший положительный пример с Узбекистаном. Буквально недавно мы решили вопрос о демаркации и делимитации границ. Он стал хорошим прецедентом для самого Таджикистана тоже. И эти вопросы в рабочем порядке сегодня мы тоже обсуждаем. Именно на дружелюбной ноте.

Маринэ Восканян: Спасибо большое, Канатбек. Ну что ж. Богдан, вы, по-моему, вообще построили все свое выступление вокруг проблем, которые возникают, когда начинается такое... Когда страну пытаются рвать на части и куда-то таскать, в какие-то альянсы. Она вступает, и не всегда последствия от этого бывают положительными. Но, тем не менее, может быть, после выступления коллег еще что-то вы прокомментируете по поводу соперничества мировых сил вокруг стран...

Богдан Цырдя: Действительно мы, все евразийские государства, проигрываем Соединенным Штатам в мягкой силе. Мы говорим о реиндустриализации России, СНГ и т. д. Но мы не говорим о производстве концептов, производстве парадигм, производстве идей. Потому что они захватили наше научное сообщество, они оккупировали наше научное сознание кучей всех этих концептов – начиная от устойчивого развития, устойчивого роста, зеленая повестка, демократизация, гибридные режимы – и всякой такой чушью. Которая на поверку оказывается на самом деле элементарной пропагандой.

Но, возвращаясь к нашей теме, я попытаюсь тезисно сказать несколько идей. Первое: действительно пространство СНГ фрагментируется. Оно находится вот уже лет 30 под постоянной агрессией информационной, экономической, политической и культурной со стороны коллективного Запада. Я имею в виду некоторые проекты. Которые, кстати, надо сказать, тоже не так успешно развиваются, как может показаться кому-то. Вот, допустим, первый проект американский – ГУАМ или ГУУАМ. С выходом Узбекистана этот проект фактически рухнул. Он нефункциональный. Он строился вокруг Причерноморья с целью создать некую (раз) анти-Россию, (два) некий транспортный энергетический коридор . но не получилось ни первое, ни второе.

Второй проект – это Европейский Союз, Восточное партнерство. Они его называют еще Партнерством демократии. При этом сами же признают, что в Белоруссии якобы диктатура, в Украине олигархат, в Молдове олигархат... Я имею в виду 2009-2014 годы. В Азербайджане режим личной диктатуры, в Армении тоже были олигархические структуры. Так о какой демократизации идет речь, если вы говорите, что все эти страны являются диктаторско-олигархическими? После выхода... После того, как в Украине произошел Майдан, как в Армении произошли тоже революционные события, после того, как сегодня идет конфликт на Украине, и выхода Белоруссии из Восточноевропейского партнерства... С нашей точки зрения, этот проект Евросоюза тоже начал буксовать. Потому что ни одного успешного проекта ни в одной из этих стран – ни по экономическому росту, ни по инвестициям внешним, ни по росту ВВП на душу населения, ни по борьбе с коррупцией – ни одного успешного проекта Евросоюз так и не смог привнести.

Покажите мне, где изобилие в Молдове. 100 млрд лей долг правительства. Это 5 млрд евро при ВВП в 13 млрд номинальном, понимаете.

Это катастрофа. О чем мы говорим? Украина – уже говорить не приходится, какой там внешний долг. Раз принимаются законы о продаже земли - кстати, и в Молдове это обсуждается – взамен кредитования.

Но для меня пока страшнее другие три тренда, которые происходят. Имеется в виду что? Так называемые три проекта. Речь идет о Великой Румынии, которая ставит целью ликвидацию Республики Молдова. И оно уже в процессе. И к 2030 году Республика Молдова, скорее всего, уже не будет существовать. К ликвидации, культурной ликвидации молдавской нации. У нас уже отменили в Конституции на днях язык молдавского народа. И то же самое в случае Азербайджана. Нам кажется, что данное государство в течение десяти-пятнадцати лет просто-напросто исчезнет, как и Украина, где происходит проект Великой Речи Посполитой. Уже открыто говорится во всех польских научных трудах, публицистических трудах, что Украина должна быть частью Польши. Но, заканчивая...

Маринэ Восканян: Богдан, я вас прошу, а то иначе мы не успеем вовремя.

Богдан Цырдя: Заканчивая, последний тезис хочу вам сказать. Что сегодня в Молдове действительно происходит полная румынизация всех госструктур. Начиная от президента страны, спикера парламента, премьер-министра и всех буквально министров правительства – все граждане соседней Румынии. Все граждане Румынии, которые активно заявляют о необходимости ликвидации собственной страны.

Маринэ Восканян: Так, Карлыгаш Жандильдиновна... Я хочу вам особо передать слово. Я хочу сказать, что, хотя Карлыгаш Жандильдиновна в своих выступлениях всегда очень все это обостряет, чтобы эти темы ярче звучали... Но я хочу сказать, что на самом деле она вовсе не сторонник того, что все конфликты друг с другом должны иметь. Наоборот, она является одним из самых активных, кого я знаю, людей, которые постоянно именно на постсоветском пространстве собирают коллег из всех стран с участием зарубежных коллег. И стараются организовать все время дискуссии, чтобы можно было выработать какие-то общие решения. Или хотя бы, как минимум, лучше друг друга знать. А это тоже залог хороших дружеских отношений даже на уровне личных контактов, экспертных контактов. Так что я вас хочу особо за это тоже поблагодарить. Потому что во многом наш сегодняшний круглый стол и благодаря вашей помощи тоже состоялся. И дам вам тоже сейчас прокомментировать по поводу того, как международные силы борются за постсоветский регион. Пожалуйста.

Карлыгаш Нугманова: Чтобы нам, постсоветскому пространству, не впасть в фрустрацию и когнитивный диссонанс... Есть такая поговорка хорошая: «В критический момент умные строят мосты, а неразумные надвигают дамбы». Поэтому нужно делать выводы нам, хорошие выводы делать надо. И я думаю, что одним из трендов в наших интеграционных процессах я предлагаю вовлечение культуры в дипломатию, внешнюю политику. То есть этот феномен – культурная дипломатия – понимается как вид публичной дипломатии. То есть это неотъемлемая часть мягкой силы, soft power. Это нам нужно между постсоветскими странами. Публичную дипломатию нам нужно расширять и работать над ней. Потому что она включает в себя обмен мнениями, дискуссионные площадки, эти диспутные площадки. Нам нужно их усиливать. И вообще обмен компонентами культуры между государствами. Вот это я думаю, что этот метод нам поможет в чем? Укрепить

взаимопонимание. И в какой-то степени нам поможет преодолеть экспансионистскую, протекционистскую и изоляционистскую политику извне. Это самая главная задача. Потому что сейчас ключевые игроки усилили эту протестную демократию. И для них это очень выгодно – повышение коллапса мировой системы в наших условиях.

И мы должны действительно быть сплоченными сейчас. Потому что нас объединяет общий ментальный слепок. У нас национальные ценности одни, традиционные ценности одни. Поэтому мы должны сохранить эти вековые наши традиции.

Любое высокоорганизованное государство должно иметь свою идеологию. Потому что идеология – это наш оплот вообще, это наша сила. Потому что нашими факторами силы являются наши ресурсы, прекрасные человеческие, людские ресурсы и природные. И все это у нас находится сейчас в содержательном таком нарративе между традиционными ценностями.

И, конечно, я хочу сказать: почему нам мешает интегрироваться?.. Потому что у нас молодежь имеет другую слепку. У них промывание мозгов, brainwashing. А в результате чего? В результате того, что у нас в настоящее время на всем постсоветском пространстве происходит переход от органической к конвенциональной картине мира. Система ценностей вследствие этого трансформировалась в аморфный набор. И поэтому из такой константной... Иерархическая структура была у нас ценностей, но она превратилась в аморфный набор. Именно, знаете, как? Значимость которых определялась в зависимости от политической ситуации. И от интересов субъекта, политического игрока, можно так сказать.

Маринэ Восканян: Карлыгаш Жандильдиновна, прошу вас, минуточку.

Карлыгаш Нугманова: Хорошо. Зарубежные наши партнеры... Дайте я одно слово скажу. Я сказала, что мы повернулись в сторону Востока. Конечно, Россия и Иран – Россия не может идти по иранскому пути полностью, она не может копировать полностью. Но у них – у России атомное оружие, у Ирана дроны – и в итоге они, конечно, могут в какой-то степени ее построить... Если мы перечисляем. Индия у нас игрок. У нас сейчас...

Маринэ Восканян: Я просто хотела что сказать? Мигран Абрамович, я вам тогда предлагаю тоже сейчас завершить наш этот раунд обсуждения... Кстати, меня радует, что он как-то на позитив пошел. Каждый пытается уже сказать, что можно все-таки сделать для того, чтобы улучшить ситуацию! И хочу сказать, что многие уже затронули – вы просто читаете мои мысли. У нас есть одна большая проблема. Даже если не обсуждать сейчас эту всю большую геополитику. Мы же соседи. Но почему же мы про какие-то дальние страны больше все знаем, чем сами друг про друга? Вот правда. Я могу вам сказать, что люди даже в России гораздо больше знают про культуру Европы, Америки, даже Китая – чего угодно – чем, например, про то, что происходит буквально в соседних государствах. Да и сами они между собой тоже зачастую... Знают больше культурные миры каких-то больших своих соседей, а не тех, кто прямо рядом находится. И, мне кажется, это очень важно было бы

преодолеть. Чтобы мы лучше друг друга даже просто знали. Уже одно это сыграет очень важную положительную роль. Пожалуйста... Мы еще пройдемся по кругу. Одну минутку каждый еще подведет. Давайте дадим Миграну Абрамовичу...

Мигран Шахзадеян: Я хочу поддержать идею, которую высказал наш коллега Богдан Цырдя, относительно важности этих концепций, концептов, парадигм, которые могут иметь большое значение для интеграционных процессов... Конечно, понятно, что любые концепции могут иметь результат, если существуют определенные механизмы их реализации. Я когда говорил об острых, острейших вопросах, которые сегодня имеют очень сильный дезинтеграционный потенциал, и в первую очередь о вопросах о границах... Здесь очень важно, чтобы не только... Наш коллега из Узбекистана тоже сказал о том, что руководство Узбекистана положительно решает эти вопросы. Но хотелось бы, чтобы вопросы решались не просто на основании доброй воли того или иного политического лидера. А чтобы были сформированы определенные механизмы создания таких правовых механизмов, организационных механизмов делимитации и демаркации границ, осуществления пограничного контроля. Которые предупреждали бы эти столкновения, тем более вооруженные.

Есть такая практика ОБСЕ – создание центров мониторинга на границах. Почему бы такую практику или подобную практику не создать и в рамках СНГ тоже? Это возможно.

Кроме того, скажем, как надо решать спорные вопросы? Конечно, здесь очень важный момент – это отношения двух соседних стран или двух республик постсоветского пространства. Но в то же время очень важно, чтобы были определенные основные установления в рамках СНГ или других объединений. Институционализация этих процессов имеет огромное значение. Например, в ЕАЭС существует суд, который рассматривает экономические споры. Но мне кажется, что здесь очень много и политических вопросов, межгосударственных вопросов, которые тоже надо каким-то образом решать. Опять я повторяю, возвращаясь к ОБСЕ: существует суд ОБСЕ по примирению и арбитражу. И там в рамках этого суда существуют примирительные комиссии. И мне кажется, что этот опыт достоин внимания. И, возможно, подобное что-то можно сделать и в рамках СНГ.

И вопрос, который подняли наши тоже коллеги из Узбекистана и Таджикистана: это транспортные вопросы, транспортные коридоры и коммуникации. Мы знаем, какое огромное значение сейчас придается этой проблеме в общемировом геополитическом масштабе. Но для республик постсоветского пространства, которые не имеют выхода к морю, этот вопрос очень тоже важен. И здесь возникает вопрос, на каком правовом основании эти коридоры должны действовать. На сегодняшний день Турция и Азербайджан хотят прорубить Зангезурский коридор от Азербайджана в сторону Турции на экстерриториальной основе. Но мы знаем, что существует в международном праве подробнейшим образом разработанные все условия этих транспортных коридоров. И нигде в них об экстерриториальности ни слова нет. И поэтому, если противоречия такие

будут развиваться в этом ключе, то вопрос этих транспортных коридоров не удастся решить к выгоде всех участвующих в этом деле государств.

И, когда мы говорим о коммуникациях, вот сегодня конкретный вопрос. Азербайджан заблокировал дорогу из Нагорного Карабаха в сторону Армении. Это единственная дорога в мир из Нагорного Карабаха. И уже больше четырех месяцев 125 000 человек населения того, что осталось от Нагорно-Карабахской автономной области после войны 2020 года, находятся в жесточайшей блокаде. И уже развивается гуманитарная катастрофа. И вопрос этот не решен. И на самом деле нет этих инструментариев, это не институционализировано. Нет общих подходов. И мы опять говорили о безопасности, в том числе экономической.

Маринэ Восканян: Мигран Абрамович, я вас прошу, чуть-чуть и уже завершайте. Потому что нам надо еще...

Мигран Шахзадеян: Да. Вот эти вопросы, мне кажется, должны быть на уровне не просто нашей концепции, заявлений, обсуждений, а должны предприниматься конкретные действия. Механизмы должны вырабатываться. Спасибо.

Маринэ Восканян: Уважаемые коллеги. Мое предложение какое? Дело в том, что мы уже на десять минут превысили регламент. Если мы сейчас будем дальше еще какие-то вопросы следующие... Я боюсь, мы просто задержим технически. Вот коллега нам говорит, что такой возможности нет. Я тогда предлагаю просто очень коротко, блиц, коллеги дорогие. Одна минута каждому. Какой-то итог, пожалуйста. Только позитивный давайте по итогам нашей дискуссии. Как вам кажется, что можно все-таки сделать, чтобы взаимодействие между нашими странами всеми постсоветского пространства развивалось в позитивном направлении? Очень коротко, буквально пару слов. И завершаем на этом. Спасибо. Прошу.

Фаниль Кадиров: Спасибо большое. Мы как в Узбекистане подходим? Достаточно прагматично. Там, где у нас есть интересы, там, где есть интересы у наших партнеров, нужно садиться и находить этому решение. Другого варианта никакого нет. Поэтому есть у нас площадка, можно сказать, СНГ, для кого-то можно сказать, союзного государства, ЕАЭС.

И на этих площадках нужно прагматично двигаться от одного пункта к другому пункту, решая те вопросы, которые нас всех беспокоят. Другого варианта мы не видим. Поэтому есть возможности, есть общий настрой, и мы должны в этом направлении двигаться. Я думаю, что другого пути нет. Спасибо.

Гузель Майтдинова: Я согласна с Фанилем. Единственное, мне хотелось бы сказать в контексте новой внешней политики России, акцентировать внимание на приоритете Центральной Азии... Хотелось бы, чтобы Россия могла выработать согласно с экспертами Центральной Азии стратегию сотрудничества или программу сотрудничества с центрально-азиатскими государствами.

Маринэ Восканян: Спасибо большое. Дальше идем.

Канатбек Азиз: Безусловно, каждая страна постсоветского пространства выстраивала и будет выстраивать отношения с Россией по-своему. Все зависит от взаимного проникновения, от двустороннего сотрудничества и т. д. Но мы в странах Центральной Азии не совсем конкретно понимаем, если говорить непосредственно о концепте самой российской политики... Например, это будет русский мир, это будет возрождение Советского Союза либо, допустим, сохранение консервативных ценностей и т. д. Но если говорить о Кыргызстане, то, как говорил наш президент, Россия остается нашим партнером. Но мы очень хотим, чтобы это партнерство было равноценным, справедливым. Это самое главное.

Маринэ Восканян: Спасибо. Богдан, прошу вас.

Богдан Цырдя: Я считаю, что нужно копировать где-то и опыт наших партнеров, конкурентов. Я имею в виду, что нужно выпускать побольше роликов, к примеру, о плюсах СНГ, о плюсах ЕврАзЭС, о туристических достопримечательностях. Запускать совместные научные проекты и исследования на всем пространстве СНГ. Чтобы из Молдовы, Грузии, Украины даже, из Казахстана могли молодые ученые создавать в совместных лабораториях какие-то продукты научные. Кинофильмы совместные, спектакли совместные и т. д. И, безусловно, экономическая интеграция. Нужно искать пути и модели, чтобы привлекать, на уровне хотя бы отдельных бизнесов, какие-то кластеры совместные. И рано или поздно, я думаю, это даст свой результат. Спасибо.

Маринэ Восканян: Спасибо большое. Карлыгаш, прошу вас.

Карлыгаш Нугманова: Резюмируя и подводя логическую черту, я хочу сказать, что сегодня, конечно, каждая страна постсоветского пространства выбирает своего стратегического партнера. И в связи с этим меняется вообще архитектура мира. И можно понять, потому что каждое постсоветское государство ищет свое место в мире, мировом балансе сил. Потому что у нас сейчас критический вакуум... и это мировое противостояние изменило вообще сущность информационного пространства. Сегодня мы все знаем, что эпоха информации закончилась, и началась эпоха манипулирования. И в такой ситуации очень высока уязвимость главного геополитического образа, суверенитета и целостности любого государства постсоветского пространства. И, самое главное, нам каждому надо сохранить суверенитет и целостность. И поэтому мы, наверное, должны в этой ситуации что делать? В этой ситуации мы должны объединяться и садиться, как молодежь говорит, не зашварно, садиться за стол переговоров и всегда решать ключевые вопросы. Потому что я знаю, что ни одна сейчас страна в условиях такой геополитической турбулентности вообще не сможет надеяться на то, что ей удастся избежать глобальных рисков и справиться с ними в одиночку. И поэтому тут выход из опасной спирали проблем только один: через конструктивный диалог и многостороннее сотрудничество.

Маринэ Восканян: Спасибо. И, Мигран Абрамович, вас прошу.

Мигран Шахзадеян: Один из важнейших ответов на этот вопрос заключается в повестке сегодняшнего нашего Московского экономического форума. Это переход на развитие производств высокотехнологических, основанных на цифровых технологиях.

И тот проект, повестка Евразийского экономического союза, цифровая повестка, может стать очень сильным драйвером этих интеграционных объединений. И здесь, конечно, роль России трудно переоценить. Я хотел бы также обратить внимание на такой момент, что главное – это иметь серьезные и четкие правила игры на этом постсоветском пространстве на правовых основаниях. И здесь очень важно также отметить, что проблемы, которые сегодня имеют тенденцию развития в положительную (отрицательную) сторону, – это идет от наследия советского. И здесь обращает внимание такой момент. Россия – если вы посмотрите Алма-Атинскую декларацию или соглашение о создании СНГ – только Россия себя там позиционировала как правопреемник РСФСР. И дело даже не в этом. Россия сегодня является правопродолжателем. Это больше, чем правопреемник. Правопродолжателем СССР. И те постановления, законы и т. д., по которым некоторые проблемы, откуда они пошли... Здесь роль России в решении этих проблем очень велика как правопродолжателя. Если возьмете Конституцию Российской Федерации, 67-ю статью, прямо этот тезис вы там увидите. Спасибо.

Маринэ Восканян: Да, спасибо, Мигран Абрамович. Я тогда коротко подведу итог. Мы сегодня очень откровенно, я думаю, обсудили и проблемы, и самые болевые точки, которые присутствуют сейчас в развитии региона постсоветских государств, с одной стороны. С другой стороны, отрадно было слышать, что есть позитивные тенденции. Вот вы упомянули и о том, что связывает тоже нас, и о том, что надо сделать, чтобы связывало еще больше. Я думаю, прозвучало много интересных мыслей. Которые нужно взять на заметку, потом проработать более детально. А самое главное – нужно больше встречаться, нужно чаще говорить друг с другом, чтобы это все лучше понимать. Чтобы действительно картина у нас в голове была, по крайней мере, как сказали уже, не манипулятивная. И мы понимали реальность, которая нас окружает. Мы надеемся, что наша сегодняшняя дискуссия внесла свой вклад тоже в том числе и в это взаимопонимание и понимание окружающей нашей реальности тоже. Так что всех я благодарю. Уважаемые коллеги, уважаемые гости, всем большое спасибо. К сожалению, у нас просто регламент, нас выгоняют. Мы бы с удовольствием хоть час с вами здесь сидели! Понимаете...